

САДРИДДИН АЙНИ

ВОСПОМИНАНИЯ

ПЕРЕВОД С ТАДЖИКСКОГО
АННЫ РОЗЕНФЕЛЬД

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
А. РОЗЕНФЕЛЬД, А. А. СЕМЕНОВ,
Н. А. КИСЛЯКОВ, А. Н. БОЛДЫРЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 0

К ПРОШЛОМУ БУХАРЫ¹

Замечательный таджикский писатель нашей эпохи Саид Садриддин, по псевдониму «Айни» (более правильная форма — Сейид Садруддин), рисует в своих «Воспоминаниях» те социальные и бытовые условия, в которых он рос, воспитывался и провел большую часть своей жизни. «Воспоминания» связаны главным образом с городом Бухарой и его окрестностями — центром политической и умственной жизни Бухарского ханства.

Автор, родившийся через десять лет после разгрома этого ханства Россией, еще застал в полной мере сохранившийся в Бухаре тот косный, замкнутый в себе мир, куда не проникала никакая чуждая ему мысль, никакое новшество, где давно уже не светил свет знания и просвещения, а наука превратилась в сухую схоластику; в религии под покровом показной набожности скрывались самые омерзительные пороки и преступления, а под проповедью снисхождения к простому народу и защиты его от тирании и несправедливостей власть имущих крылось безудержное ограбление народных масс и самое бесцеремонное обращение с ними, как с подневольными и безответными рабами.

Айни писал «Воспоминания» для своих соотечественников и, исходя из своих соображений, что весь бухарский быт с его местной терминологией им совершенно понятен, не снабдил свою книгу пояснениями исторических, бытовых, социальных и культурных реалий. Но

¹ В статье для всех имен собственных, географических названий и терминов сохранена транскрипция автора — ныне покойного проф. А. А. Семенова.

прошли годы, и немалые! За сорок с лишним лет, протекших со дня Великой Октябрьской социалистической революции, в корне изменилось лицо страны, в которой родился, вырос и воспитывался автор «Воспоминаний». Старый бухарский феодальный строй и быт с его идеологией канул в вечность. Выросло новое поколение таджикского и узбекского народов, которое воспитывалось в совершенно ином духе и которому многое уже непонятно из того, о чем писал автор «Воспоминаний».

Тем более для русского читателя были бы почти недоступны эти «Воспоминания», рисующие быт совершенно чуждой ему страны, если бы их не снабдить необходимыми пояснениями и примечаниями. Поэтому в настоящем издании дается краткий очерк, характеризующий состояние Бухарского ханства эпохи Садриддина Айни (главным образом южной части Зеравшанской долины, где протекла большая часть его жизни). В очерке дается характеристика административного управления страной, состава ее народонаселения, деления на сословные группы и занятий каждой из них, взаимоотношений между городом и деревней, положения крестьянских масс, поземельно-податного обложения и всего того, что может служить фоном к картинам прошлого, воссозданным автором «Воспоминаний». А все не объясненные им термины и выражения, особенности литературных и научных произведений раскрываются в комментариях.

Бухара представляла собой разноплеменное государство, раскинувшееся на обширной территории с населением приблизительно в 2,5 миллиона жителей, из которых одни вели оседлый образ жизни (таджики, часть оседлых тюрков и арабов, евреи и индусы), другие были кочевниками (узбеки разных племен, карлуки, барласы, казахи, киргизы, туркмены, арабы, цыгане и др.). Из пришлого населения, проживавшего в разных местах ханства временно, следует отметить парсов из Индии, занимавшихся торговлей по разным городам, армян, лезгин, русских и других. Все иноземцы — не мусульмане, принадлежавшие к числу постоянных жителей Бухары, вроде евреев и индусов, причислялись к так называемым зиммиям. По существовавшему в эмирате обычаю им разрешалось исповедовать свою религию, владеть имуществом, совершать между собою сделки, регу-

лируемые их собственными порядками. Но в делах уголовных и в сделках с мусульманами они подчинялись законам ислама. Им воспрещались браки с мусульманками и владение рабами-мусульманами. При появлении на улицах зиммии могли носить лишь темное и не новое платье с желтой заплатой, подпоясанное грубой веревкой. Они не могли ездить верхом на лошадях, а только на ослах или лошаках, в собраниях не имели права занимать почетные места, не смели приветствовать мусульман, но обязаны были почтительно уступать им дорогу. Им не разрешалось также возводить дома выше, чем у мусульман. Всех зиммиев соединяли, по возможности, в отдельные кварталы под начальством их собственных старшин (у евреев — калонтаров).

Неполноправные бухарские подданные — иноверцы не могли публично совершать действий, оскорблявших чувство мусульман: пить вино, громкогласно читать библию и т. п. Поголовная подать — джиз'я, которую платили иноверцы, была гораздо выше взимаемой с мусульман, несмотря на то, что при сборе этой подати все зиммии разделялись по своим доходам на три имущественных группы: богатых, людей среднего достатка и бедных.

Все мусульманское население Бухары делилось на крестьян (дехкон), кочевников-скотоводов (сахронишин, чорводор), горожан (шахрнишин или хисори). Горожане подразделялись в свою очередь на ремесленников (косиб), купцов (тоджир, савдогар) и представителей служилого сословия (амальдор). Особую социальную группу составляло духовенство (уламо) и многочисленные дервишские корпорации, возглавлявшиеся пирами, шейхами или ишанами.

У каждой категории населения была своя особая традиционная манера одеваться, причем одежда отличалась если не покроем, то цветом и материалом. Так, крестьяне носили разноцветные ситцевые чалмы и халаты из домотканной материи довольно ярких цветов (калами), обувались в сапоги из грубой кожи без каблучков (мукки); духовенство отличалось по одежде от остального населения большими белыми кисейными чалмами и пышными халатами из серовато-белой полущелковой, с муаровым отливом ткани (банорас); горожане-ремесленники и торговцы носили небольшие белые чалмы, одевались

преимущественно в полушелковые или из бумажной материи (алоча) халаты. Духовенство, купечество и ремесленники обувались в сапоги на тонкой подошве без каблуков (ичиги), поверх которых надевали кожаные туфли (кафш). Представители дервишских братств, всецело посвятившие себя бедности и сопутствующему ей нищенству, именовались каландарами и проживали в особых общежитиях (хонако). Они разделялись на ряд орденов или толков (маслак) и имели свои специальные костюмы. Нищенствующие последователи наиболее распространенного ордена ходжей, или накшбандия, носили на голове конусообразный колпак, отороченный мехом, короткий, до колен, шерстяной халат с соответствующими для данного ордена вышитыми надписями (вроде надписей на одеяниях христианских схимников), а на ногах грубые сапоги без каблуков (мукки). У каждого из них сбоку привешивалась на кожаных ремнях большая, полая внутри, тыква-травянка. Часто у многих к этому добавлялся так называемый кашкуль — выдолбленный из дерева лодкообразный сосуд или приспособленные для этого очень твердые, полые внутри большие раковины, доставлявшиеся в Бухару из Индии. Такие кашкули нередко украшались бирюзой и покрывались художественной резьбой в виде цветочного орнамента, на них воспроизводились персидско-таджикские стихи мистического содержания или же целые сцены из дервишской жизни.

Многочисленные ремесленники и мастера, снабжавшие бухарское население обувью, одеждой и разнообразными предметами бытового характера, группировались в цехи (наподобие дервишских орденов). Каждый цех имел свои правила поведения, обязательные для всех входивших в него мастеров, свои церемониалы и свои писанные уставы или статуты, так называемые рисоля, содержавшие предания о возникновении данного ремесла или занятия, некоторые наставления ремесленнику и угрозы тем, кто нарушит предписания устава. Так как каждое ремесло, как и всякое занятие, которым человек добывает себе пропитание, по воззрениям мусульман, имеет божественное происхождение, то основоположниками и покровителями ремесленных цехов являлись различные пророки и святые. Существовало даже широко распространенное арабское выражение, приписывавшееся

Мухаммеду: ал-касибу хабиб-ул-лахи — т. е. «ремесленник — друг Аллаха». Официально в Бухаре считалось тридцать два ремесленных цеха, хотя их в действительности было больше. Все они представляли собой своеобразные братства. Во главе каждого из них стоял старший мастер (усто), которому подчинялись все ремесленники данного цеха города, через него принимались от обывателей заказы, и он распределял их по мастерам. Дисциплина в цехах была крепкая и строгая, и ею достигалась большая профессиональная сплоченность ремесленников. Всякое нарушение твердо установленных правил влекло за собой изгнание виновного из цеха. Вообще в организации ремесленных корпораций Бухары было много общего с организацией дервишских орденов.

Служилое сословие делилось на два разряда: военных в узком смысле слова, солдат и командиров армии — сипо, и представителей военно-административного состава, так называемых амальдоров.

Военные после подчинения Бухары России носили форму русского образца, но вместо фуражек на них были низкие бараньи шапки. Эти войсковые части производили самое забавное впечатление карикатурной выправкой солдат и командного состава, отсутствием воинской дисциплины и понятия о единообразии формы. На плечах солдата или офицера нередко можно было видеть два разных погона с обозначением русскими буквами разных воинских частей; пуговицы на мундирах, как правило, были разного образца, русские винтовки были далеко не у всех, их часто заменяли старые кремневые ружья. Команда подавалась необычайно зычно на русском языке, а так как солдаты ее воспринимали механически, без всякого предварительного разъяснения, то и выполнялась она обычно вразброд. Полковая музыка состояла из разного рода флейт (най), труб (сурнай, карнай) и барабанов, и ее идеалом было произвести наибольшее впечатление необычайным шумом, грохотом и громом.

Чины военно-административного состава или ведомства как правило одевались в халаты из разных шелковых и полушелковых материй, опоясывались широкими поясами, украшенными различного вида и рисунка серебряными с позолотой или чернью бляхами (в зависимости от чина). На ногах они носили высокие сапоги с очень вы-

сокими каблуками, настолько суживающимися книзу, что конец их нередко бывал с шляпку большого гвоздя. Головы амальдоров украшали белые чалмы не очень большого размера. Кривая шашка пристегивалась не к портуpee, а к поясу из особого рода местной замши (гузори). Такой пояс обычно поддевался под более широкий чиновный пояс.

Амальдоры имели свою служебную иерархию и делились на пятнадцать чинов, из коих низшим был баходур, а высшим — оталик. В представителях служилого сословия народ видел злостных притеснителей, вымогателей и насильников. Отсутствие штатно-окладной системы и определенного государственного бюджета вело к тому, что все служащие, начиная от губернаторов (хокимов) областей и кончая последним канцелярским писцом (мирзо), не получая от правительства никакого жалования, «кормились» за счет населения. И если в казну эмира ежегодно исправно поступали определенные суммы или натура податей и налогов с областей (вилейатов) ханства, то столь же исправно население должно было содержать на свои скудные доходы всю огромную ораву опекавших его властей, от представителей сельской администрации до губернатора включительно. А так как нормы взимания на «кормление» не были известны населению, то чиновничество стремилось взять с крестьянина и ремесленника как можно больше.

Но во всей этой системе «кормления» за счет народных масс для служилого сословия была и своя «оборотная сторона медали». Должностные лица имели право взимать в свою пользу только известные процентные отчисления со сбора: судьи — от тяжёбных дел, а все прочие многочисленные чиновники — от подати, платимой казне эмира. Все они теоретически не имели права злоупотреблять «кормлением» и вынуждены были «прибедняться», чтобы скрыть свои истинные доходы. Должностные лица остерегались скупать земли и разного рода недвижимости, не имели возможности слишком широко жить и вообще избегали казаться людьми богатыми. Нарушение этих мер предосторожности неизбежно навлекало подозрение эмира (доносы и шпионаж весьма широко бытовали в правительственных кругах!). Если какой-

либо судья или чиновник владеет большой недвижимостью, значит он приобрел ее за счет расхищения доходов своего государя. За этим следовала конфискация всего имущества виновного в устройстве своего личного благополучия, суровое наказание ему самому и потеря чести. Поэтому все стяжатели стремились обратить избыток своих средств или на покупку недвижимости на имя подставных лиц, или на накопление денег в серебряной или золотой валюте, а более высокие по рангу люди старались скупать драгоценные камни.

Я помню, как с лишком пятьдесят лет назад, в майский полдень, к поезду Туркестанского генерал-губернатора, стоявшему подле самаркандского вокзала, приблизилась небольшая группа афганцев. Впереди был пожилой мужчина в круглой плоскодонной черной каракулевой шапке, на которой ярко блестел бриллиантовый эгрет. Его навывпуск черные суконные брюки прикрывал средней длины казакин тоже черного сукна, опоясанный довольно широким поясом с большой четырехугольной пряжкой, сплошь усыпанной бриллиантами. Среди них выделялся своим блеском крупный бриллиант — солитер. Я пригласил их всех войти в вагон-салон, где выяснилось, что это был двоюродный брат афганского эмира Абдуррахмана, Исхак-хан, когда-то правитель Чар-вилаета и претендент на афганский престол. Он был разбит Абдуррахманом, бежал в русские пределы и проживал теперь в Самарканде, получая от русского правительства ежегодную субсидию.

«Я — странник в земле чужой, достопочтенный господин, — повеествовал мне Исхак-хан, — и ныне пользуюсь щедротами русского правительства, живу здесь, в Самарканде, в надежде лишь на милость Аллаха». И когда во время разговора я как-то невольно остановил свой взгляд на крупном солитере в поясе Исхак-хана, последний заметил это и с живостью сказал:

«Вот вы, высокий господин, заметив мои бриллианты, вероятно, подумали нечто о моем богатстве. Должен вам сказать, что восточные государи не любят, чтобы их подданные копили богатства. Я учел это и своевременно все, что имел, обратил в драгоценности. Подумайте, когда я бежал из Афганистана, что бы я делал со всеми моими недвижимостями, если бы они у меня были? А это все (и Исхак-хан кос-

нулся поясной пряжки) было так легко увезти и при нужде обратиться в деньги».

Влиятельным сословием в ханстве было духовенство, к которому принадлежали судьи (кози), муфтии (своего рода юрисконсульты), а'ламы (муфтии высшего ранга), ахунды (старейший и авторитетнейший из муфтиев, так сказать — верховный муфтий), раисы (блюстители нравственности среди населения в духе шариата и инспекторы за правильностью мер веса и длины на базарах), мударрисы (преподаватели высших конфессиональных школ — медресе или мадрас) и все приходские имамы или муллы. Духовенство представляло очень сплоченную корпорацию, спаянную одним неподвижным духом мусульманства, покоящимся на непреложных велениях единого божественного закона, называемого шариатом. Никакая свежая мысль, никакое новшество или даже намек на него не могли проникнуть в эту окаменелую в своей неподвижности среду. И нередко даже эмиры, эти абсолютные властелины над жизнью и смертью своих подданных, вынуждены были самым серьезным образом считаться с настроением бухарского духовенства. Так, например, предпоследний бухарский эмир, Абдулахад (1885—1910), человек весьма властный и всегда чувствовавший за собою поддержку царского правительства, вынужден был в 1897 г. покинуть свою столицу из-за какого-то очень крупного столкновения с духовенством и навсегда перенести свою резиденцию в Кермине. И даже большие беспорядки, возникшие в начале 1910 г. в Бухаре в связи с кровавым столкновением шиитов с сунитами во время «шахсея-вахсея», когда по настоятельному требованию из Петербуга эмир должен был самолично прибыть в свою столицу и своим авторитетом прекратить кровопролитие, — не сломили упорство Абдулахада. Командированному к нему в Кермине для сообщения названной директивы русского правительства первому секретарю Российского императорского политического агентства эмир заявил, что он никогда и ни при каких обстоятельствах не вступит в столицу, даже если ему это будет грозить свержением с престола и удалением из Бухары.

Сплоченность бухарского духовенства, которое в важных государственных делах не боялось заявлять эмирам свое властное по-

sumos («мы не можем»), не раз вынуждала эмиров изменять намечавшиеся ими решения или отменять уже сделанное. Этим самым бухарские владыки ставили себя в крайне неприятное для своего авторитета положение, когда, изменяя свое решение, они делались нарушителями данных ими обязательств или обещаний.

Я помню, как перед Октябрьской революцией, в сентябре 1917 г., мы с российским резидентом в Бухаре посетили эмира Сейид Алима по вопросу ничем не оправданного закрытия бухарским правительством в г. Бухаре новометодных школ. Эмир заявил, что он отлично сознает всю незаконность такого мероприятия, тем более что новометодные школы существуют в столице очень давно, но в данном случае он совершенно бессилён что-либо предпринять, так как их закрытия потребовало бухарское духовенство в лице верховного судьи (кози-йи калон). «Попробуйте, поговорите лично с верховным судьей, сошлитесь на меня, что я прошу его не касаться вопроса о закрытии новометодных школ. Может быть, вам удастся так или иначе убедить его», — добавил эмир.

Мы не замедлили посетить верховного судью, им тогда был Бурхануддин-садр, находивший весьма большую поддержку среди учащихся медресе. Этот прелат принял нас крайне любезно, но наотрез отказался выполнить переданную ему эмиром директиву русского правительства. Он ссылался на то, что ныне все новометодные школы находятся в руках джадидов, этих врагов правоверного ислама, что джади́ды слишком высоко подняли голову в ханстве — всячески подкапываются под устои веры, что он, верховный судья, как блюститель шариата, обязан всемерно противодействовать этому, и проч., и проч. Мы уехали ни с чем.

Свою опору духовенство г. Бухары, задававшее тон всему прочему духовенству ханства, находило в многотысячной корпорации студенчества столицы, в так называемых мулло-бачах, учащихся многочисленных бухарских медресе (мадрас). Это студенчество делилось на две группы или партии. К одной относились студенты — уроженцы г. Бухары и тяготевших к ней округов или тюменей (туманов). Они назывались талаба-йи тумани. К другой группировке принадлежали студенты из Восточной Бухары, страны по преиму-

шеству гористой, и потому они назывались талаба-йи кухистони. Обе эти партии (вернее, быть может, землячества) не всегда жили между собою в мире и дружбе. Особенно острыми противоречия становились, когда одна из партий выдвигала на тот или иной высокий духовный пост своего кандидата, а другая партия, не желавшая этого кандидата, выставяла своего. Происходили взаимные пререкания и крайне шумные митинги, пока, наконец, не брала верх та сторона, представители которой путем своекорыстных происков более искусно использовали повышенное настроение студенчества. И нередко устанавливались своего рода династии влиятельнейших в стране судей столицы, так называемых «верховных судей» (кози-йи калон), должности которых занимали в продолжение трех-четырех поколений члены одной и той же семьи. Иногда это бывали представители горных районов (кухистони), иногда — уроженцев равнинной Бухары (тумани).

Вместе с тем, бухарское духовенство умело использовало настроения мулло-бачей для смещения неугодных ему высших сановников ханства или устранения того или иного нежелательного, с шариатской точки зрения, явления в общественной жизни страны. Мударрисы духовных семинарий стремились всячески расположить к себе студенчество и при случае использовать его для своих целей. А это, в свою очередь, вело к тому, что многие высокопоставленные лица всячески заискивали перед наиболее влиятельными мударрисами, памятуя о непрочности своего положения. Враждебное настроение против того или иного сановника, подогретое студенческими выступлениями, могло погубить всю его служебную карьеру. Разумеется, подобные свойства студенческого движения отнюдь не содействовали улучшению общественных порядков или совершенствованию центрального административного аппарата ханства и его ответвлений в провинциях. Но эмирскому правительству все же приходилось серьезно считаться с массовыми выступлениями «мулло-бачей», так как они обычно касались людей влиятельных, делавших внутреннюю политику в стране.

Система преподавания в медресе, в основу которого было положено священное мусульманское писание, покоилась, как и в старой

христианской духовной школе с доминирующим в ней латинским языком, на заучивании наизусть учебных пособий, составленных в основном на чуждом для учащихся арабском языке. Их как-то нужно было понять, усвоить, научиться пользоваться ими в последующей жизни, чтобы стать хорошим муллою, муфтием или другим хорошо обеспеченным должностным лицом. Но далеко не все выдерживали этот искуc, очень многие по неспособности не шли дальше сельского муллы, бросали медресе, не окончив в нем курса, другие где-нибудь пристраивались на скромное место мирзы (писаря) при каком-либо правительственном чиновнике. Среди людей, преодолевших в течение пятнадцати-двадцати лет все тяготы схоластического обучения, было немало хороших знатоков арабского языка, калама (схоластической теологии) и прочих предметов, преподававшихся в медресе. Многие из окончивших курс действительно любили науку, книги, интересовались литературой и поэзией. И вообще начитанных бухарцев было немало и из бесед с ними всегда можно было почерпнуть много интересного и поучительного.

Духовенство, как и служилое сословие, не пользовалось симпатиями широких масс. В представителях духовенства, а особенно в судьях, муфтиях и других, население Бухары видело только бесовестных людей, решавших за взятки дела, как им было выгодно. В народе ходило множество метких и крайне злых рассказов «о несправедливых судьях», об их проделках и преступлениях. Существовала даже пословица, что «денег муллы, совести судьи и глаза крота никто не видел».

Задавленные всяческими поборами, чепосильными налогами и разными неправдами, народные массы стремились найти какой-то выход из своего невыносимо тяжелого положения. Не зная других путей, они пытались уйти под покровительство глав дервишских корпораций, так называемых пиров или ишанов. Они тоже обирали народ, но психологически это было совсем не то, что поборы и вымогательства чиновных правительственных лиц. Последние вымогали в свою пользу насильственно, мерами понуждения и побоев, а пирам приносили добровольно, зная при этом, что глава общины в трудную минуту может оказать своему покорному «ученику»

(мюриду) как материальную, так и моральную помощь. Ишаны свободно владели своими недвижимостями, всячески приумножая их за счет «доброхотных даяний» многочисленных учеников и последователей, принадлежавших ко всем классам общества. И никакой хан или эмир никогда не осмелился бы конфисковать собственность дервишских «старцев», так как такая мера могла вызвать большие народные волнения. Авторитет руководителей общин среди народа был весьма велик, в день дервишских радений (зикров, обычно по четвергам) в помещение ишана собирались все многочисленные его ученики (мюриды) и последователи (дастнадихандагон или, по-узбекски, кулбирмянганляр — не давшие пиру руки, еще не ставшие его всецело покорными учениками). Они все принадлежали к самым разнообразным слоям населения: рядом с важным купцом находился какой-нибудь смиренный, плохо одетый ремесленник, с человеком, имеющим высокий придворный чин, сидел оборванный чернорабочий. Для всех членов этого своеобразного братства в дни радений бесплатно устраивалось ишаном угощение, и все они участвовали в общем хоре дервишских кружений под пение или мелодекламацию мистических стихов. Все это, как и доступность ишанов, их обходительность, помощь в нужде импонировали народу, влекли к этим «старцам» народные сердца. Дервишские общины открывали людям какой-то мнимый просвет в их тягостной, полной горя и мучений, безрадостной жизни.

Реакционное, мистическое учение — тесеввиф, или суфизм, — с его весьма заумным и туманным мировоззрением, разумеется, не было доступно массам. Крестьяне и ремесленники, вступавшие в дервишские общины, не подозревали, что здесь все подчинено корыстным целям. Ишаны стремились завербовать себе как можно больше мюридов лишь потому, что получали от них обильные приношения. В зависимости от имущественного положения последователя в дар мог быть принесен и крупный земельный участок, и ничтожное количество денег, масло, яйца и т. п.

Дервишские корпорации в Бухаре делились на разные ордена, из которых наиболее распространенный был накшбандия или ходжагон. Основателем этого ордена и вместе с тем патроном Бухары был

шейх Бахауддин Накшбанд (ткач цветной шелковой материи с золотыми и серебряными нитями, умер в 1389 г.). Его гробница, находящаяся в 12 километрах от г. Бухары, считалась своего рода национальной святыней, привлекавшей множество народа со всех концов не только Бухарского ханства, но и всей Средней Азии. Орден накшбандия считался наиболее ортодоксальным. Другой орден — кубравия — исповедовал идеи более рационалистические и поэтому считался как бы еретическим. Его центром являлось селение Соктари, родина автора «Воспоминаний», Сейида Садриддина Айни. Несколько шейхов ордена кубравия из этого селения были известны своими трудами, излагающими принципы учения ордена, пронизанные весьма смелыми философско-суфийскими воззрениями. Среди них замечательны произведения шейха Мухаммед-Хусейна. Исходя из предположения об акцидентности мира, автор развивает мысль, что мир и составляющие его свойства и части подчиняются неизбежному закону изменения и восстановления в других формах, с другими качествами, что таким образом всякая вещь в мире имеет свои стадии, степени и завершения. К сожалению, все подобные труды соктарийских шейхов находятся только в рукописях, и в какой мере их рационалистические идеи отразились на мировоззрении последователей ордена кубравия, — остается неизвестным. Но все же, судя по воспоминаниям детских лет С. Айни, чувствуется некоторый налет вольномыслия и своеобразного радикализма в высказываниях представителей старшего поколения соктарийцев.

Помимо перечисленных сословий, следует отметить такие общественные группы, как сейиды и ходжи, ведущие свои родословные от арабов-завоевателей. К сейидам причислялись потомки Мухаммеда от его дочери Фатимы и ее мужа Алиа. Сейидское достоинство весьма почиталось в Бухаре, представители высших классов ханства правдами и неправдами стремились породниться с каким-либо семейством сейидов. Из истории бухарских мангытов мы знаем такой случай. Последний бухарский хан из династии аштарханидов Абулфайз (убит в 1747 г.) был сейид. Его дочь взял в замужество Надир, шах персидский, а после него — узурпатор бухарского пре-

стола Рахим-хан мангыт. Он умер, не оставив детей. Вдову Рахим-хана взял в жены его племянник, Шах-Мурад, будущий бухарский эмир, который имел от нее сына Хайдара, ставшего, таким образом, сейидом. Вследствие этого все его преемники стали сейидами и прибавляли это звание к своему титулу, ставя его впереди всех прочих наименований (вроде: Сейид эмир Абдулахад бахадур-хан). Помню, я как-то спросил эмира Абдулахада, почему слово «сейид» ставится прежде всех имен, званий и титулов. На это он мне сказал следующее: «Эмиром я могу сегодня быть, а завтра могу очутиться в ничтожестве или быть свергнутым, перестану быть эмиром, государем, а звание сейид у меня никто не может отнять, ибо оно наследственно-родовое».

Ряд должностей в бухарском военно-административном управлении был предоставлен лицам только сейидского происхождения.

Поскольку у Алиа и Фатимы было два сына, Хусейн и Хасан, и оба оставили большое потомство, то сейиды нередко прибавляли к своему имени то хусейни, то хасани, в связи с тем, от кого они вели свой род. Так как подобная генеалогия являлась весьма сомнительной, а претендентов на право считать себя потомком пророка было много, то разбором жалоб и претензий на ложное или действительное сейидское происхождение при последних мангытах в г. Бухаре стал заниматься шейх-ул-ислам, которого освободили от прямых его обязанностей блюстителя высшего правосудия в мусульманском духе.

Помимо своеобразного «божьего племени» сейидов, в Бухаре существовали группы мусульман, причислявших себя к мирам. Они претендовали на происхождение от первых трех преемников Мухаммеда: Абу-Бекра, Омара и Османа. Термин этот («мир») не следует смешивать с таким же термином «мир», которым именовались правители областей, наряду с присвоенным им должностным званием хаким (по-арабски) и бек (по-тюркски). Родовое наименование «мир» обычно ставилось перед собственным именем лица, его носившего. Весьма часто после собственного имени прибавлялись прилагательные, производные от имен вышеназванных преемников

пророка, вроде сиддики (т. е. потомок Абу-Бекра «сиддика» — правдивого), Омари (Умори) и Османи (Усмони).

К ходжам причислялись потомки первых арабских завоевателей. Исторически звание «ходжи» возникло следующим образом. Арабский полководец Кутейба (VII в. н. э.) приказал жителям отдать под постой арабских солдат и офицеров половину их жилищ, чтобы арабы, поселившись у бухарцев, могли в точности знать уклад их жизни и следить, как они соблюдают обряды насильственно навязанного им ислама, не исповедуют ли побежденные тайно своей старой религии и т. п. Бухарцы надолго сохранили память о невыносимых насильственных мероприятиях Кутейбы. Поселившийся в доме бухарца и живший на его иждивении араб-победитель вел себя, как неограниченный деспот. Бухарец должен был всячески его ублажать, наилучшим образом кормить и из вежливости называть ходжа, т. е. господин, хозяин. И так потом поведось, что всех потомков этих непрошенных «хозяев» арабского происхождения стали по всей Бухаре называть ходжами. Ходжи постепенно образовали очень сплоченную и весьма влиятельную общественную корпорацию, широко распространившуюся по всей Средней Азии.

Среди ходжей встречались даже сейиды и руководители дервишских орденов — пиры, или ишаны. Образуя своеобразную аристократическую прослойку, эти ходжи были особо почитаемы и пользовались большим влиянием среди населения. По своему социальному положению ходжи принадлежали к различным сословиям: среди них были представители служилого сословия, купечества, ремесленников, крестьян, рабочих и бродячих дервишей (каландаров). Вследствие этого и материальное благосостояние их было самое различное. Тем не менее их кастовый дух был настолько силен, что в какой бы бедности ни находился ходжа, он никогда не выдавал своих дочерей замуж в семьи «не ходжей». Но сами ходжи могли свободно жениться на женщинах, не имеющих отношения к их роду.

Следует отметить, что все сословия населения Бухары имели свою особую титулатуру, свои специфические почетные названия. Так, например, бухарский кушбеги — этот своего рода премьер-министр — титуловался иморат-панох (убежище власти); казни — шари'атпанох

(убежище шариата); ходжи — исолатпанох (убежище благородного происхождения); купцы, ремесленники и крестьяне именовались иззатджох (достопочтенный). Титулатура суфийских шейхов или ишанов была более высокой: к их нарицательному имени (шейх, пир, ишан) прибавлялось слово хазрат (хазрат-и ишон, т. е. святейший ишан).

Бухарское ханство было по преимуществу страной земледельческой и скотоводческой. Однако разнообразные ремесленные производства играли здесь хоть и второстепенную, но весьма существенную роль. Их удельный вес в экономике Бухары и в торговле с зарубежными странами был достаточно велик.

Климат Бухарского ханства был весьма разнообразен, различным было и плодородие почвы, поэтому коснемся земледелия и садоводства только в окрестностях столицы. Бухарский вилайет (т. е. область) делился на районы, называемые монгольским словом туман (тюркское — тюмень). Таких туманов, или тюменей, в этом вилайете было девять: Шофурком (или Вардонзи), Колит (или Вобкент), Хутфар (или Зандани), Ком-и Абу Муслим (или Вагонзи), Фаровиз, Пирмаст, Ромитан (или Самиджан), Хайрабод и Тарабим Охугир. Наименования тюменей и их границы не были устойчивыми и в различные периоды изменялись. Земли этих районов орошались водами реки Зеравшан и ее притоков, от которых тянулись многочисленные искусственные каналы. С северо-запада и с запада к Бухарскому вилайету подступали пески пустыни Кызылкум, а с юго-запада — пустынные степные пространства. Весь Бухарский вилайет представлял собою по существу характерный среднеазиатский оазис, которому было присуще маловодье. Последнее особенно стало ощутительным после присоединения к России в 1868 г. Самаркандского вилайета, когда в пределах русского Туркестана оказались верховья главной водной артерии Бухарского оазиса, реки Зеравшан. Возник острый вопрос о равномерном и справедливом распределении воды этой реки между новыми русско-подданными Самаркандской области, жившими в долине Зеравшана, и их соотечественниками, оставшимися в пределах Бухарского ханства. Дело осложнялось тем обстоятельством, что опекунами водоснабжения населения теперь яв-

лялись два правительства. В течение четверти века пререкания из-за воды между русскими и бухарскими властями не прекращались, а вместе с ними не прекращались и жалобы населения Бухарского вилайета на недостаток поливной воды, вследствие чего из года в год страдали посевы, сады и огороды. В 1902 г. особой русско-бухарской комиссии удалось достичь соглашения о пропуске воды из реки Зеравшан в Бухарские владения «в размере одной трети всего количества ее». Бухарцы приняли это соглашение с условием, что такой пропуск воды будет производиться «непрерывно постоянным током в течение года». Для того чтобы наладить водоснабжение, в Бухаре была учреждена специальная должность инженера-мелиоратора. Несмотря на принятые меры, распределение вод Зеравшана до конца бухарского эмирата оставалось самым острым и большим вопросом; полагавшаяся бухарцам по соглашению вода отпускалась крайне не-исправно.

Народные массы Бухарского вилайета вели плачевную жизнь не только из-за недостатка воды, но и в связи с общими условиями землепользования, существовавшими в ханстве. Все земли здесь разделялись на несколько особых категорий. Наибольшее количество орошаемых пространств занимали так называемые хараджные земли, которые были оставлены когда-то победителями-арабами в вечное пользование населению с уплатою за них несколько повышенной поземельной подати (харадж), в размере от одной восьмой до одной пятой снимаемого урожая. Земли, орошаемые атмосферной влагой, колодезной или ключевой водой, облагались податью в размере одной десятой части урожая (ушри — десятинные земли). Кроме того, существовали совершенно свободные от налогов частновладельческие земли (мульк-и хурр или мульк-и хурр-и холис), владельцы которых получали такие участки за те или иные заслуги «перед престолом и церковью». Обычно такие «обеленные» земли принадлежали ишанам, сейидам, высшим сановникам и разным другим привилегированным лицам. Владение частными землями подтверждалось специальными ханскими или эмирскими грамотами. Путника, проезжавшего по Бухарскому вилайету, всегда поражала неравномерность всходов хлебов: на одних полях зреет превосходный урожай, а на других он

во много раз хуже. Это явление обуславливалось не одними свойствами почвы и количеством воды для орошения, но зависело главным образом от условий владения землею. Все хорошо обработанные поля почти сплошь принадлежали владельцам мульковых земель и настолько резко отличались от всех прочих, что их безошибочно можно было определить по одному внешнему виду.

Особую категорию земель, присущую только мусульманским странам, составляли так называемые вакфные (или, по установившемуся в русской литературе названию, — вакуфные) земли, завещанные их владельцами особым юридическим актом в вечное пользование каким-либо общественным или религиозным учреждением с благотворительной и богоугодной целью, так сказать, «в вечный помин своей души». Такого рода недвижимая собственность обычно не отчуждалась никакой властью. Различались три вида ее: вакфы, принадлежавшие конфессиональным учреждениям — медресе, мазарам, мечетям и т. п. (это были своего рода церковные земли); вакфы, завещанные в пользу рода или потомства завещателя и носившие название «семейственных вакфов» (своего рода майоратные земли); вакфы, завещанные в пользу общественных учреждений для поддержания их в исправности (бань, дорог общественного пользования, колодцев в степи и т. п.).

Наибольшее число вакуфных земель в Бухаре принадлежало конфессиональным учреждениям, которые сдавали их в аренду крестьянам за определенную долю урожая (обычно четвертую часть), отсюда такой издольщик назывался чорьяккор или, в просторечии, чорикор. Характерным являлось то обстоятельство, что, независимо от величины дохода, деньги на ремонт и поддержание в исправности вакуфного имущества не расходовались, а расходились по карманам мутаваллиев (экономов, заведующих вакуфными доходами) и других лиц, обслуживавших эти учреждения. Некогда великолепные мечети, медресе и прочие здания стояли обычно облупленные и покосившиеся. Возведение вакуфных сооружений потребовало в свое время массу средств, бездну художественного вкуса и талантливости зодчих, и все это лишь для того, чтобы потомки совершенно не заботились об их поддержании.

Земли, находившиеся в непосредственном ведении эмира и носившие название государственных (замин-и подшохи, замин-и султони), представляли собой особый фонд, состоявший из земель, конфискованных у разных лиц (за те или иные преступления), оставшихся без владельцев (выморочное имущество), всех впусте лежащих неорошенных земель (мавот), орошенных средствами эмира и заселенных с уплатой ему подати большей, чем взималась с хараджных земель, и, наконец, земель заболоченных, илистых или покрытых камышевыми зарослями. Обрабатываемые из государственного фонда земли назывались амляковыми, и подать с них носила название амляк.

Из всех перечисленных выше земель в Бухарском вилайете (по статистическим данным Бухарской народной социалистической республики 1921—1923 гг.) наибольшее количество было хараджных и амляковых (около 114 тысяч гектаров), за ними следовали вакуфные земли (около 70 тысяч гектаров), затем частновладельческие, свободные от всяких налогов (около 57 тысяч гектаров), и, наконец, земли, принадлежавшие лично эмиру, занятые его дачами и садами (около 1500 гектаров).

Наибольший доход эмирской казне давала поземельная подать с хараджных земель. Она была двух родов: постоянная, взимавшаяся в деньгах и в некотором количестве зерна с определенного участка земли (хародж-и вазифа или хародж-и муаззав) и пропорциональная (хародж-и мукосама), означавшая уплату известной части урожая. Первого рода харадж взимался, например, в одних районах по 1 теньге и 7.5 фунтов зерна с одного таноба¹ обрабатываемой земли, в других по 1 теньге весной и по 1 теньге и 15 фунтов зерна осенью. Второго рода харадж выражался в уплате от одной восьмой части урожая с облагаемого налогом поля. На первый взгляд такие размеры поземельной подати, установленные на основе шариатских норм, не кажутся особенно обременительными. Но на самом деле, в со-

¹ Таноб бухарский равнялся 600 квадратным сажением или 2730 квадратным метрам.

четании с огромными поборами на кормление чиновников, они были для земледельцев сущим разорением.

Размеры хараджа определялись путем пробного умолата. Когда хлеб почти уже поспевал, то поземельно-податный чиновник (амлокдор) выезжал со своими людьми на поля, где его встречал сельский старшина, староста и крестьяне. Окинув «авторитетным» взором поле, амлокдор определял «на глазок», сколько в нем танобов земли и сколько следует взять с посева батманов хараджного зерна. Земледельцы вступали с амлокдором в пререкания, ссылаясь на свидетельства своих старшин, старост и соседей, на данные по уплате подати в прошлом году и другие доказательства. В конце концов, после долгих споров, клятв и угроз, останавливались на приблизительных цифрах. И амлокдор, не слезая с лошади, или сам записывал цифру следуемой подати, или приказывал сделать это сопровождавшему его писарю (мирзе). Вернувшись домой после такого объезда полей, обычно продолжавшегося несколько дней, амлокдор составлял начисто раскладки поземельно-податного налога, которые совершенно не отражали действительного состояния урожая, а являлись плодом его собственных статистических измышлений. При составлении таких сводок основным стимулом было стремление поменьше сдать в казну, а побольше забрать себе и своим людям — чиновникам более низкого ранга. Амлокдор скреплял чистовые списки своею печатью и рассылал по селениям. Только после получения их крестьяне могли приступить к сбору урожая. А так как амлокдор сплошь и рядом запаздывал с объездом полей на две-три недели, а то и больше, и несжатый хлеб подвергался всем опасным случайностям (осыпание зерна, ливни с градом, саранча и прочее), то урожайность полей оказывалась гораздо ниже, чем ожидалось. Но этим дело не оканчивалось. После того, как хлеб бывал обмолочен, провеян и ссыпан в кучи на гумнах, амлокдор особым образом опечатывал каждую кучу так, что земледелец «до особого распоряжения» не мог дотронуться до своего зерна. В это время поместные судьи (кози) зорко следили за базарными ценами на хлеб, донося о них эмиру для установления «справедливых цен» на зерно. Их донесения были той базой, на которой эмир устанавливал твердые цены на хлеб по

районам и бекствам. Они сообщались через кушбеги губернаторам (хокимам или мирам, бекам), а те спускали их амлокдорам. Икогда, наконец, приступали на гумнах к сбору натурального поземельного налога, то к этому времени базарные цены оказывались выше, чем те, по которым взимали с крестьянина зерно. Амлодор был неумолим и требовал от земледельца взноса в установленном ранее размере. Одновременно с хараджем взимался кавсан, особый налог на содержание амлокдора (им облагались урожай всех зерновых хлебов и хлопка в размере полпуда зерна с каждых 10 батманов, а с хлопка по 15 фунтов с того же количества). Затем шел кафсан дарга (или кафсан даруга), такой же сбор зерном в пользу даруги или дарги — специального чиновника, наблюдавшего за отправлением хлеба по назначению — в казну. Наконец, взимался муштак (горсточка) — подачка сельскому амину, следившему за правильной сдачей хараджных продуктов, потом аксакалу (старшине), мирабу (надзирателю за правильным распределением оросительной воды) и прочим лицам низшей сельской администрации. В довершение всего появлялся сельский имам или мулла (священник), собирались каландары (странствующие дервиши) и просто бедняки — калеки, вдовы и т. п. Все стремились получить свою долю от собранного крестьянином урожая. Если же мы примем во внимание, что местами муштак взимался не в виде горсти зерна, а в пределах стоимости чорьяка (почти два килограмма) пшеницы или чорьяка джугары, то часто оказывалось, что зерна у крестьянина едва оставалось на семена.

Если же мы присоединим к перечисленным выше и другие налоги с того же земледельца, вроде: налог на каждый таноб земли, занятый под садом и огородом (таноб-пули), налог с клеверных полей (алаф-пули), налог на каждую пару рабочего скота, ходящего под плугом (кош-пули), налог на рабочий скот вообще (с лошади, осла, быка — як-сари), налог за сбор камыша, колючки, сухих веток, за переправы по мостам через реки и прочее, то окажется, что бремя, ложившееся на плечи многострадального бухарского земледельца, было поистине непосильным.

Помимо сказанного, нельзя не коснуться и другого обстоятельства, делавшего подчас жизнь земледельца еще более горькою.

Великим злом в Бухаре была система временных земельных пожалований наиболее видным представителям служилого сословия (танхо). Оно являлось своего рода дополнительным вознаграждением к правительственному содержанию, которое выплачивалось крупным чиновникам и военнослужащим. Если в танхо поступали земли с сидящими на них крестьянами, то в этом случае правительство временно отказывалось от взимания с населения податей и налогов, предоставляя последние в пользу жалуемого этой землею лица (так называемого танходор'а). Но так как танходор обычно стремился извлечь как можно больше выгод из пожалования, то он не довольствовался только взиманием законных податей, а обирал население часто до последней нитки, распоряжаясь к тому же зависимыми от него людьми, как крепостными. Особенно тягостным было положение населения Восточной Бухары, откуда, между прочим, происходил один из героев романа Айни «Дохунда». В этой горной стране пахотных земель насчитывалось очень мало и они к тому же были разбросаны по склонам и высям гор, поэтому изобретательное бухарское правительство взамен земельных участков стало выделять в танхо определенное количество домовладений (буна). Чтобы содержать и обслуживать своих танходор'ов, владельцам домов приходилось работать от зари до зари. Они становились в полном смысле рабами. Количество «жалуемых» буна зависело от чина или ранга должностного лица; одни получали несколько семейств таких рабов, другие — целые селения.

Следует отметить тесную связь с земледелием почти всех ремесленников и мелких торговцев столицы эмирата и крупных поселений городского типа, вроде Гидждувана, Вобкента и других. Почти каждый ремесленник и торговец имел свои посевы, сады и огороды за чертой города, где он жил, обрабатывал их вместе с членами своего семейства или с помощью наемных рабочих (в зависимости от размеров землевладения). Он платил те же подати, что и крестьянин-земледелец, владел жилыми постройками, рабочим и другим домашним скотом. Такой владелец обычно переселял весной свою семью за город, а в праздничные дни и сам проводил там время.

В свою очередь в многочисленных селеньях бухарской части Зеравшанской долины, помимо земледелия, были широко распространены кустарные промыслы. Здесь выделяли хлопчато-бумажные и шелковые ткани, вытачивали всевозможные деревянные изделия, вроде шпuleк, колес, челноков, изготовляли глиняную посуду, выпекали сласти и производили многие другие предметы сельского обихода. И едва ли не самым показательным образцом этой деревенской кустарной промышленности были резные двери. Любовь к ним местного населения была поразительна. Прекрасною глубокою резьбою покрывались не только двери, ведущие во двор или в комнаты, но даже двери у кладовых и амбаров. Они неизменно украшались отличной резьбой с разнообразным орнаментом. Хозяева гордились такими дверями, не жалели на них ни средств, ни труда. Это была характерная особенность в быту населения нижней части долины Зеравшана. Каждый сельский крестьянин-ремесленник, обычно работавший «всем кустом», т. е. с помощью всех трудоспособных членов семьи, имел при своем доме отдельное помещение для мастерской.

Таким образом, низовая часть Зеравшанской долины была связана с городом не обычным товарообменом, основанным на разделении труда и специализации в области сельского хозяйства и промышленности, а общими торговыми, ремесленными и земледельческими интересами. Не без основания вся бухарская часть долины Зеравшана иногда приравнивалась к типу ремесленно-торговых слобод с подсобным значением земледелия. Здесь велась обширная торговля, значительное развитие получили кустарные промыслы, но не хватало воды и были слишком скудны посе́вы, чтобы прокормить многочисленное население столицы.

Земледельцы бухарской части Зеравшанской долины возвели огромное количество построек из глины. Основная их масса находилась в небольших селеньях, расположенных столь часто, что промежутки между ними не превышали 200—250 метров. Встречались и отдельные дворы, огороженные высокими глинобитными стенами (так называемые «курганча»). Больших селений в Зеравшанской долине встречалось сравнительно немного.

По внешнему виду сельские постройки делились на две резко противоположные группы. В одних селениях преобладали хорошие строения с высокими заборами и большим числом разных служб, с чисто убранными дворами, улицами, исправными колодцами и другими проявлениями благоустройства и довольства. В других селениях теснились жалкие глинобитные лачуги с полуразвалившимися заборами, с разбросанными повсюду нечистотами, с засоренными колодцами, с пыльными и грязными улицами. Первые принадлежали счастливым хозяевам мульковых земель, свободных от всяких налогов; вторые составляли достояние всех налогоплательщиков, задавленных тяжестью всяческих податей и безысходною нуждою.

Устройство жилых домов в большинстве селений также резко различалось в зависимости от достатка или бедности их владельцев. Зажиточные люди строили высокие дома (иногда двухэтажные) оштукатуренные снаружи, с окрашенными внутри в разные цвета стенами, покрытыми иногда своеобразной росписью орнаментального характера или лепкой. Потолки настилались из тонких круглых деревянных брусков, располагавшихся между балок. Они окрашивались в разные цвета, как и самые балки, или расписывались сложными узорами клеевыми красками. Печей и очагов не было; изредка, по столичному образцу, у самых состоятельных владельцев встречались в стенах каминны (мури). Окон со стеклами тоже не было, их заменяли сделанные обычно над дверями особые рамы с вставленными в них деревянными или ганчевыми решетками, часто очень сложного и красивого орнамента. Рамы затягивались промасленной бумагой. Свет через них проникал весьма скудно.

Все прочие постройки отличались бедностью архитектуры, часто представляли собой лишь жалкие лачуги, сооружавшиеся из комков сухой глины, соединенных полужидкой лёссовой грязью. Обычной принадлежностью домов богатых людей и людей среднего достатка был двор и двухэтажный сарай. В некоторых сараях имелись полукруглые отверстия для складывания через них, прямо с улицы, соломы. На крышах сараев хранились снопы люцерны, хворост и во-роха сорных трав, идущих на топливо.

В Зеравшанской долине, как и во всей Средней Азии, жилые постройки располагались не по сторонам улиц, а в глубине дворов, которых у домохозяина бывало несколько. Лишь торговые и ремесленные помещения находились на виду и ход в них вел прямо с улицы. К заборам, идущим вдоль улиц, пристраивались хозяйственные помещения и хлевы для домашнего скота. Ворота, которые вели со стороны улиц непосредственно к зданиям, делались лишь в караван-сараях и торговых дворах с сельскохозяйственными продуктами (последние, впрочем, имелись в больших базарных селениях, где скопилось значительное количество зерна и хлопка). Для входа же в обычные обывательские дворы служили небольшие калитки, часто немногим более метра высотой. Местом для помещения арб многих хозяев часто служили небольшие узкие закоулки, иногда арбы ставились прямо на улице, затрудняя до крайности проезд по ней. Вообще при таком характере построек улицы немногим отличались от дорог, по окраинам которых устраивались стенки для охраны полей.

Однообразие улиц в селениях было поразительное. Ориентироваться по зданиям не было возможности, требовалось несколько раз проехать по селению, чтобы найти нужный вам дом. Только лавочки, мечети, арыки вдоль улиц и плохие мосты иногда служили отличительными признаками некоторых селений.

Густота расположения небольших селений в бухарской части Зеравшанской долины способствовала возникновению городов. По определению местных факихов (законоведов), четыре селения, имеющие общий значительный базар и мечеть, составляют касаба (т. е. большой населенный пункт городского типа, своего рода слободу), а шесть селений с большим базаром и двумя мечетями уже образуют шахр или шаар (город). Если же они обнесены стеною, то это будет хисор (укрепление, укрепленный город). Местные жители различали у себя четыре вида населенных пунктов: 1) шахр (шаар) или хисор (город), что давало основание именовать городских жителей шахри или хисори; 2) курган — поселок, обнесенный глинобитной оградой; 3) канд или кант (кент) — большое селение и 4) мачит (масджит) — небольшое селение. В просторечии же деревня, вообще

селение обозначалось словом *дех* (откуда старинное таджикско-персидское *дехкон* (*дехкан*) или (в арабизированной форме) *дихкон* (*дихкан*)).

Мечетей по селениям встречалось много, и все они были обычного среднеазиатского типа: обширная комната, сложенная из сырцового кирпича или просто глинобитная, с террасой. Внутренняя часть здания служила местом молитвы в зимние месяцы, а терраса — в летнее время. Обязательной принадлежностью каждой мечети являлся двор с прудом посредине, обсаженным деревьями. Небольшие пристройки к стенам двора служили приютом и местом ночлега для проходящих и приезжающих. Мечетей из обожженного кирпича насчитывалось очень мало, и почти все они относились к временам минувшим. Некоторые из них были замечательны по древности и по своеобразию архитектуры. Такова, например, мечеть в Хазора (VIII—IX вв.), расположенная к северо-востоку от Гидждувана; выдающимся памятником старины являются также минарет и мечеть в селении Вобкент, между г. Бухарою и Гидждуваном, построенные в XII в., и некоторые другие сооружения.

Начальные школы (*мактабы*) были многочисленны, главной их целью считалось обучение арабской азбуке и чтению Корана (без понимания его содержания, так как он написан на арабском языке), одновременно учащиеся знакомились с начатками мусульманской религии и читали произведения Саади и Хафиза. Учителями начальных школ чаще всего оказывались люди малограмотные (это относилось даже к начальным школам столицы ханства), и дети почти ничего от них не получали. А если принять во внимание, что, едва окончив *мактаб*, ребенок сразу же погружался в трудовую жизнь, то ясно, что он довольно быстро забывал даже, как следует читать. И во всю свою последующую жизнь такой человек помнил лишь кое-какие начала мусульманской религии, вроде обычных молитв и исполнения повседневных ритуальных предписаний. Но и эти навыки закреплялись у него главным образом потому, что все окружающие следовали изо дня в день установленным издавна обрядам, а он обязан был принимать участие в традиционных проявлениях религиозного чувства.

Однако нередко можно было встретить среди крестьян-ремесленников и таких людей, которые понимали по-арабски, много читали из области шариата и даже имели представление о таджикско-персидской литературе. Они обычно принадлежали к числу тех, которые по недостатку средств не смогли закончить курс высшей профессиональной школы — медресе (мадраса) — и вернулись к профессии своих отцов, но жажда знания их не оставила, и они продолжали любить книгу.

Медресе или мадрас в бухарской части долины Зеравшана было мало, они сосредоточивались преимущественно в самом городе Бухаре, куда стремились молодые люди со всех концов страны, чтобы получить там законченное образование в мусульманско-правовом духе.

Город Бухара являлся своего рода Меккой для большинства среднеазиатских мусульман. Здесь многие места почитались священными и привлекали паломников. В Бухаре проживали известные ученые-теологи и укрепляли ее славу как центра исламского правоведения. Это обстоятельство, по мнению самих бухарцев, особо отличало их город от всех прочих городов мира. Если повсюду свет шел сверху, с высоты небес, то в Бухаре он исходил снизу, из почвы самого города, уверяли они, из-за обилия святых мест и святых людей. Окруженный высокой и мощной глинобитной стеной с башнями и воротами, город Бухара расположен на возвышенности, к которой с востока подходит вода единственного в этих местах оросительного канала Шахр-руд (т. е. Городская река), выведенного из реки Зеравшан ниже селения Вагонзи. Высота городской стены составляла в среднем 10,5 метра и длина — почти 15 километров; в ней было 11 ворот. Каждые ворота находились между двумя массивными башнями из обожженного кирпича; помимо них, стена имела 116 фланкирующих выступов или полубашен. Деревянные, окованные железом ворота были огромные (около 4 метров в высоту и около 6 метров в ширину), запирались толстенными засовами и необычайной величины замками, ключи от которых после последнего вечернего намаза относились в «высокий арк», резиденцию правителя. Интересно отметить, что изнутри города нигде не существовало подъемов или въездов для поднятия на стены орудий, а имевшиеся входы на

банкет были срезаны и уничтожены. И все это осуществлялось только по одному-единственному поводу — как бы с высоты стены чей-либо нескромный взор не проник во внутренние дворы прилегавших к стене домов. По той же причине на бухарской стене отсутствовали часовые или караульные.

От городских ворот к центру города шли лучшие улицы, но они были настолько узки, что две встречные арбы или два каравана верблюдов во многих местах не могли разойтись. Им приходилось пятиться назад или свернуть в одну из ближайших улиц и там переждать пока освободится путь.

Цитадель столицы, своего рода кремль (арк), находилась не в центре города, а ближе к воротам Углон. Она была построена на высоком обособленном холме, быть может искусственного происхождения, и окружена такою же глинобитною стеною, что и городская. В арк вели единственные ворота, помещавшиеся между двумя кирпичными башнями. Холм, на котором стоял бухарский арк, настолько возвышался над улицами города, что с находившейся перед ним площади (Регистан) приходилось подниматься по широкой и длинной аппарели, занимавшей немалую часть самой площади. За воротами, вглубь арка, подъем продолжался по изогнутому сводчатому коридору, ведущему на вершину холма. Внутри цитадели находился дворец эмира с многочисленными службами, мечеть, дом кушбеги, монетный двор, казнохранилище и другие помещения. Все это размещалось на площади, не превышавшей двух гектаров. Какая-либо растительность здесь совершенно отсутствовала.

Город делился на две части линией, проходящей с севера на юг, от Самаркандских ворот до ворот Саллох-хона. Части эти назывались сахм и делились в свою очередь на шесть частей, именовавшихся джариб. Во главе сахма стоял начальник, называвшийся бобо (старейшина). Каждый джариб был подчинен дахбоши (десятскому); у дахбоши находилось в подчинении по несколько полицейских — шабгардов, что в дословном переводе означало «ходившие по ночам». Управление бобо называлось тахта-чарог, их было два по числу самих бобо: одно находилось у водоема (хауз) Девон-беги (Хауз-и Девон-беги), а другое — вблизи Регистана, подле так называемого

«Верхнего водоема» (Боло-хауз). Управления дахбошей именовались пой-туг или, в просторечии, пойток, т. е. «находящиеся у подножья бунчука». Эти управления, как и управления бобо, искони находились на определенных местах.

В дневное время полиция обычно себя ничем не обнаруживала и поддержание порядка на улицах и в других местах являлось обязанностью самих обывателей. Зато в ночные часы она полностью вступала в свои права. Вся полиция столицы подчинялась главному начальнику, называвшемуся миршаб (собственно — мир-и шаб, т. е. князь ночи). С вечера закрывались все огромные базары города (в летнее время около пяти часов вечера), постепенно к шести часам почти совсем замирала городская жизнь, а в семь часов запирались ворота столицы, и с этого момента никто не смел показаться на улицах. Исключение допускалось только для врачей (таиб) и повивальных бабок (доя), направлявшихся по спешным вызовам к своим клиентам. По местным понятиям, в ночную пору на улицах могли находиться только преступники, а все верующие мусульмане и добронравные люди должны были спать. И в заботах о поддержании такого, соблюдавшегося веками, порядка патрули шабгардов регулярно обходили улицы спящего города, причем немилосердно колотили в большой барабан, которому вторили серебристые звуки металлических треугольников, в знак того, что все могут спать спокойно, ибо их охраняет недреманное око «князя ночи». Эти патрули задерживали подозрительных лиц или без нужды проходивших и проезжавших в неурочное время и оказывали помощь тем, кто в ней нуждался. Соблюдая эти древние правила, шабгарды без всяких оговорок отводили в миршаб-хону (так сказать, полицейское управление) всех попадавших им ночью на улицах, откуда на утренней заре их направляли чистить банные печи, а утром отпускали по домам.

В связи с этим мне вспоминается курьезный случай с видным бухарским сановником Мирзой Наим-бием, который с крайним возмущением рассказывал мне, что он «на днях» часов в одиннадцать ночи возвращался домой от эмира из Арка в русском экипаже, запряженном тройкой лошадей, с русским кучером. На пути его остановил полицейский патруль во главе с самим миршабом. Тщетно

тучный и вспыльчивый Мирза Наим горячился, доказывая, что он едет по служебной надобности и не виноват, если его задержал слишком долго сам эмир, что он известное лицо и его хорошо знает сам миршаб. Все было напрасно. И Мирза Наим в своем пышном дорогом халате вместе с кучером был взят и посажен в «миршаб-хоне» под арест вместе с разными подозрительными лицами. Мирза Наим с крайним раздражением и проклятиями красочно описывал свое состояние, когда возвращался утром после работы по очистке бань в своем дорогом, но перепачканном одеянии среди разных оборванцев, сопровождаемый насмешливыми взглядами и нелестными замечаниями встречающих. «Кровно обиженный» сановник пытался пожаловаться на миршаба сначала кушбеги, а потом эмиру, но кушбег ничего ему не ответил, а эмир только усмехнулся. Очевидно, древнему правилу — не ходить ночью по улицам «честным людям» — требовалось следовать всем неукоснительно.

Я впервые попал в столицу эмирата, когда еще не прошло 25 лет после заключения Шаарского договора о союзе между Россией и Бухарою. Закаспийская военная железная дорога была доведена тогда лишь до Самарканда, и русские воинские части еще не занимали территории Термеза и Керки. В то время Бухарское ханство не включалось полностью в русскую таможенную черту и южная пограничная линия была более или менее открыта для свободной торговли с зарубежными соседями. Все это создавало условия для необычайного оживления на бухарских базарах, где воочию можно было убедиться, насколько разнообразен этнический состав базарных толп и обильно представлены всевозможные товары Востока и Запада. Я хорошо знал торговые места всех больших городов Средней Азии, но бухарские базары подавляли своею грандиозностью. При небольшой сравнительно численности населения столицы (не более восьмидесяти-девяноста тысяч) базарные ряды в ней занимали первенствующее место, и если бы расположить их в одну линию, она растянулась бы на десятки километров. Все базары строго распределялись по рядам (раста), торговавшим только определенными товарами, и никакое смешение их не допускалось. Если вам нужно было купить веревки, надлежало идти в специальный ряд

продавцов этого товара; если появлялась необходимость купить какую-либо золотую вещь, вы шли в ряд ювелиров. Разнообразие и обилие товаров поражало приезжих. Здесь можно было купить почти все, что производили Восток и Запад: от настоящего швейцарского сгущенного молока и концентрата бульона Либиха до сухого имбирного варенья из Шанхая и душистых свечей из Рангуны, от эффектных мальтийских шалей с серебряными блестками до чудесной индийской кисей, тканной золотом. В ряду менял (раста-йи сар-рофон) вы могли разменять свои деньги на любые: индийские рупии, мексиканские серебряные доллары, золотые турецкие лиры, английские фунты стерлингов и т. п. Местные антикварные лавки таили в себе немало интереснейших предметов большой древности, вызывавших иногда неподдельное удивление. Здесь можно было встретить внушительные по виду и тяжелые мечи крестоносцев с серебряными латинскими девизами у гарды вроде: *Hos Dedi oras cariam, Anno Domini 1405* (т. е. «Сегодня я дал, завтра получил. От рождества Христова 1405 год»), *Memento mori. A. D. 1376* («Помни о смерти. От рождества Христова 1376 год»); увесистые восточной бронзы чаши с серебряной насечкой, с горельефными изображениями сцен из древней жизни Ирана, прекрасной сохранности древнюю фарфоровую посуду с чудесными *reflet metallique* XI—XIII вв., интереснейшие древнегреческие, индо-скифские, парфянские, мусульманской эпохи и прочие монеты. И нумизмат, и любитель-коллекционер восточных древностей одинаково нашли бы здесь для себя «богатый улов» и непередаваемую привлекательность длительного рытья в удивительных редкостях. К сожалению, в то время таких людей в Бухаре не существовало.

Жизнь в столице ханства начиналась рано. В летнее время часов в пять утра начинали торговлю огромные бухарские базары и городские ворота уже были открыты. Людской поток широкими волнами заливал все улицы, и потому теснота и давка на них были столь велики, что двигаться вперед удавалось лишь с превеликим трудом. Когда позади или впереди показывалась арба со своими огромными колесами и загораживала улицу, ехал всадник или кавалькада их, то все стремительно кидались в узкие закоулки, жались

к стенам, вспрыгивали на прилавки лавок и старались поскорее избавиться от неожиданной помехи. И кого только не встречалось в этом густом человеческом море! Были тут, помимо бухарцев в их ослепительно белых чалмах и живописных шелковых и полушелковых халатах, рослые патаны в широчайших белых «сасанидских» шароварах, в белых длинных рубашках под черными короткими куртками; туркмены в высоких папах с заткнутыми за пояс «бейбулами» и в красных с черной полоской халатах; длинноносые китайцы в широких кафтанах и юбках, обутые в туфли с толстой мягкой подошвой; арабы в белых или темных бурнусах с характерными чалмами, свернутыми из довольно толстых жгутов, обмотанных шнурами; щеголезатые индийские парсы в шитых золотом туфлях с загнутыми носками, и многие, многие другие.

Этот калейдоскоп национальностей, купля и продажа у лавок, людской водоворот часто оживлялись сценами чисто местного быта, не менее оригинальными и красочными.

Вот едет худой старец в большой белоснежной чалме, в богатом парчовом халате; под ним хороший конь с богатой сбруей, золоченое седло и посеребренные стремяна. За ним следуют быстрым шагом девять здоровых молодых людей с палками. Это едет раис-уш-шариат Бухары, блюститель мер веса и длины на базарах, суровый цензор нравственности «правоверного» города и глава всех раисов ханства. Следующие за ним — его мулозимы, своего рода ликторы. Среди базарного люда замешательство и любопытство. Вот ишан-раис (их милость раис в просторечии) въезжает, например, в ряд шелковых тканей, где сидят купцы, важные и степенные. Он поровнялся с одной из лавок, попридержал коня и слегка кивнул головой на торговца. Моментально к тому подбегает кто-нибудь из «мулозимов» раиса с образцом базарного аршина (газ-и бозори) и, сравнив последний с тем, что был у купца, быстро возвращается к раису и показывает, что газ купца несколько короче установленного образца. Раис называет одну какую-либо цифру (но всегда нечетную), например, одиннадцать. Тогда к продавцу приближаются двое ликторов с палками. Один стаскивает его с прилавка, быстро вскидывает себе на спину, а другой закидывает ему халат и рубашку на голову и, спу-

стив штаны, начинает наносить палкой удары. Если виновный кричит, то счет палочных ударов считают снова с той палки, под которой наказуемый испустил свой первый крик. По окончании экзекуции продавец, обливаясь горькими слезами от боли и стыда, с волочащимися по земле штанами, подходит к ишану-раису и целует ему руку. Преступление открыто и преступник наказан. Раис едет дальше...

В другом месте базара, где-нибудь под сводами древнего тима (откуда расходятся базарные ряды), показывается процессия дервишей-каландаров. Все они в своих специфических костюмах. Впереди идет пожилой шейх, позади него — большая группа рядовых дервишей. Шейх, медленно выступая, сильно жестикулирует руками и напевно скандирует, соблюдая все правила просодии:

Дони ки чист давлат? Дидор-и йор дидан,
Дар джо-йи у гадон бар хусрави гузидан.

(«Знаешь ли ты, что такое счастье? Это видеть лицо друга и в месте его пребывания долю нищего предпочитать доле царской»). И мощный хор из двадцати пяти—тридцати следующих за ним дервишей вторит ему: Ой, наи наи дуст! («О, о, друг!»).

А где-нибудь дальше у хауза (водоема), под сенью огромных развесистых чинар, ветви которых защищают водоем от жарких лучей солнца и создают приятную тень для отдыха, настлано много ковров и циновок. Здесь восседают почтенные бухарцы в белоснежных чалмах и пестрых халатах; они внимательно слушают странствующего рапсода или сказителя (маддох). Последний с одушевлением и с непередаваемой мимикой и жестикуляцией излагает какую-либо чудесную историю, повествование из жизни святых или, наконец, просто проповедует известные правила морали, подкрепляемые то стихами из Корана, то ссылками на слова пророка.

Однажды в жарский июльский день я вышел к Лаб-и-Хаузу, одному из наиболее значительных бухарских водоемов, где множество народа, сидевшего правильными рядами под древесной тенью, внимательно слушало высокого, худого маддоха в черном узком халате

и в небольшой черной чалме. Он усиленно размахивал руками и каждую длинную тираду заключал одними и теми же словами: «Ин гунох-и бузург аст» («Это великий грех!»). Я подсел с краю одного ряда слушателей и потихоньку спросил молодого бухарца, что это говорит маддох? «Дар бачабозӣ» («О противоестественной любви к мальчикам»), — лаконически ответил он. И когда маддох закончил свое выступление, откуда-то быстрой поступью к нему приблизилась женщина в парандже лилового бархата, богато расшитой шелками; из-под волосяного чашмбанда (лицевой сетки) высунулась маленькая смуглая ручка с золотым браслетом и опустила в руку маддоха золотой. Женщина так же быстро скрылась, как и подошла. «Ой бо-о-й!» — пронесся по рядам слушателей возглас удивления. Кто была эта женщина и что заставило ее столь щедро заплатить бедняку-маддоху? Все это, разумеется, осталось неизвестным, тая в себе какую-то драму женской души.

Автор «Воспоминаний» в ряде мест касается гомосексуализма, распространенного в то время среди некоторых его соотечественников. Приведенная мною сцена — характерный показатель реакции на это мрачное явление со стороны представительниц другого пола местного населения.

В водовороте базарной жизни Бухары в те далекие времена меня поражало одно обстоятельство. Сколь бы ни велика была базарная сутолока и давка, какие бы покупатели ни обступали многочисленные лавки, но едва прозвучал призыв к обязательной молитве с минаретов. 360 мечетей столицы и не успели еще затихнуть в воздухе последние слова азана, как все ряды базаров моментально пустели. Продавцы и покупатели, все прохожие и верховые устремлялись к близлежащим мечетям. Продавец тканей бросал свой аршин и покупателя или покупательницу, саррафы оставляли кучи серебра и золота, бумажные деньги и банкноты, ювелиры — свои золотые изделия и драгоценные камни, и все устремлялись на молитву. Все ненадолго оставалось открытым и беспризорным. Через каких-нибудь двадцать—двадцать пять минут торговые ряды опять принимали прежний вид: продавцы возобновляли свои торги с теми же покупателями, саррафы продолжали свои финансовые операции. И никто не

мог себе даже представить, чтобы за время молитвы у продавцов могло что-либо пропасть. Я не собираюсь идеализировать прошлое, но должен сознаться, что через каких-нибудь десять лет, торопясь на молитву, торговцы уже прикрывали лавки циновками, а менялы и ювелиры спешно прятали свои драгоценности. Я родился и вырос в самом глухом месте Поволжья, носившем в Московской Руси название «Диких полей», и хорошо помнил рассказы стариков, что в годы их молодости никто не запирал домов, амбаров и кладовых, так как никаких воров не было. Но я уже не застал этого и в Бухаре был поражен подобной «идиллией».

Если прохожий отклонялся от района бухарских базаров в глубь города, то его внимание привлекала безотрадная картина узких пыльных улиц, лишенных растительности, мертвых в своем безлюдии, полных всякого рода нечистот. Нередко (ближе к базарам) встречались группы сидящих и стоящих «убогих и сирых», слепых и хромых, людей, покрытых струпьями, паршами, со страшными лицами, изъеденными волчанкой и проказой, взывающих к прохожим о помощи и подаении. И над всем этим простиралась зловещая тень систематической нехватки воды, долгого пользования совершенно негодной и вредной для здоровья водою. Малое количество воды, отпускавшейся бухарской части Зеравшанской долины, пагубно отражалось на водоснабжении столицы. В одетых камнем водоемах вода портилась не так быстро, как в обычных, с простыми земляными берегами. Под палящими лучами солнца в земляных водоемах она быстро загнивала и кишела мириадами видимых простым глазом организмов, издавала отвратительный запах. К тому же здесь совершали омовения окрестные жители, полоскали рты, мыли грязные ноги и руки, стирали свою одежду. Такую воду сотни специальных водоносов (машкобов) брали в кожаные турсуки (бурдюки) и разносили ее по базарам и улицам на продажу; несли даже в эмирский Арк. И этой ужасной водою пользовались решительно все — «от царя до нищего».

Если петербургские сановники царской России часто болели подагрой, то сановники эмирской Бухары нередко столь же мучительно страдали волосатиком — риштой — из-за употребления негодной

воды. О разнообразных страданиях всего прочего населения и говорить нечего!

Таков был общий фон или, вернее, таковы были основы самой жизни, которую изобразил автор настоящих «Воспоминаний». Он как бы отразил в них все черное, беспросветно-реакционное, тупое и злое, что отравляло существование народных масс Бухары. На этом мрачном фоне светлыми бликами выступают образы людей, которые не хотели мириться с невыносимыми условиями, сложившимися в эмирате. Мы ощущаем также оригинальную, во многих отношениях самобытную бухарскую культуру, своими корнями уходящую в неведомые нам эпохи; она воплощалась в красивых и единственных в своем роде бухарских шелковых материях, в неподражаемом золотом шитье, в великолепных вышивках, в чудесно оформленных рукописях с художественными миниатюрами, в превосходной резьбе по ганчу (алебастру) и дереву, в своеобразной красочной росписи потолков, карнизов и капителей колонн, в тончайшей, артистической резьбе металлических изделий, в памятниках поэзии и литературы. И этот свет искусства, высокого мастерства и истинной поэзии, донесенный гением народа с древнейших времен, до сих пор привлекает к себе все передовое человечество, всех тех, кто так или иначе стремится к высотам прекрасного и совершенного. И свет этот неизмеримо сильнее того мрака, где копошились темные и злые силы, ныне навсегда низринутые во всепоглощающую бездну времени.

А. Семенов.